

ПИТАННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ ТА СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

УДК 811.161.1'373.233

В. Г. Долгов

Белький державний університет імені Алеку Руссо, Республіка Молдова,
магістр філології,
старший преподаватель кафедри славистики

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЮРОДИВЫЙ» В ПЕРЦЕПТИВНО-ОБРАЗНОМ АСПЕКТЕ

Цель статьи – описать в перцептивно-образном аспекте лингвокультурный типаж «юродивый». Объект анализа – лингвокультурный типаж «юродивый». Предмет исследования – перцептивно-образные характеристики этого лингвокультурного типажа. В работе использованы следующие методы исследования: общенаучные (гипотетико-дедуктивный и описательный) и лингвистические (сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный и интерпретативный анализ). В результате исследования выявлены особенности стереотипного восприятия типажа «юродивый» (пол, возраст, социальное положение, внешний вид, портрет, образ жизни, привычки, сверхчеловеческие способности). Практическое применение результатов исследования возможно в процессе разработки общих и специальных курсов по лексикологии, лингвокультурологии, стилистике, отдельных лекций, посвящённых как специфике языковой объективации концепта юродивый, так и особенностям его реализации в идиостилиях русских писателей XIX–XX вв.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж «юродивый», перцептивно-образный аспект, стереотипное представление, агиография, «Четьи Минеи».

Постановка проблемы. В современном языкознании всё большее внимание уделяется исследованию языковой личности, которая нередко сводится в рамках намеченной Э. Бенвенистом триады «язык, культура, человеческая личность» [1, с. 45] к совокупности образующих «сгустков смысла», то есть концептов [2, с. 79–95; 3, с. 10–50]. Особым видом концепта является «лингвокультурный типаж», под которым мы (вслед за В. И. Карасиком) понимаем типизируемую личность, представителя определённой этносоциальной группы, узнаваемую по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации.

Волгоградская лингвистическая школа вносит наибольший вклад в описание лингвокультурных типажей, характеризующихся широкой узнаваемостью, ассоциативностью, рекуррентностью, хрестоматийностью, знаковостью, яркостью, типичностью, прецедентностью [3]. В данном виде концепта выделяют образную, понятийную и ценностную составляющие.

Опыт моделирования типажа *юродивый*, представленный в диссертации И. Г. Чеботарёва, где в качестве материала исследования используются данные опроса респондентов [6], вызывает несомненный интерес. Однако полагаем, что в качестве материала изучения перцептивно-образной составляющей типажа *юродивый* может быть использован агиографический корпус, поскольку, с одной стороны, жития отражают народные представления о канонизированных святых, а с другой, – формируют некое стереотипное восприятие того или иного чина святости и конкретного подвижника. Именно агиографический корпус дает наиболее полное представление о существенных характеристиках юродивого, инвариантный набор которых составляет прототип лингвокультурного типажа, и в различные периоды времени он может быть дополнен рядом других характеристик, например, в зависимости от идеологической позиции создателя текста¹.

В качестве **материала** исследования нами избраны «Четьи Минеи» в изложении Дмитрия Ростовского как прецедентный текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известный широкому кругу лиц. Обращение к этому тексту неоднократно повторяется.

Изложение основного материала. Епископ Дмитрий Ростовский, отталкиваясь от макарьевских миней, использовал обширный материал русских прологов, патериков, различных западных сборников. Результат его многолетних трудов в церковных кругах воспринимался как образец канонического описания, «Четьи Минеи» получили повсеместное распространение на Руси и были излюбленным чтением в XVII и XVIII веках в самых широких слоях общества. Примечательно, что и современные сборники «Жития святых» нередко в качестве основы используют именно труд Дмитрия Ростовского, дополняя его содержание агиографическими произведениями о канонизированных в новое время святых.

Паспорт лингвокультурного типажа (по алгоритму моделирования, разработанному О. А. Дмитриевой) включает в себя образные характеристики (внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, происхождение, сфера деятельности, досуг, окружение, коммуникативные особенности), понятийные и ценностные характеристики. Мы остановимся лишь на перцептивно-образном аспекте исследуемого типажа.

Пол. Несмотря на то, что первой юродивой православного Востока была, как отмечают специалисты, женщина, а в русской письменной церковной культуре упоминаются имена других широко почитаемых женщин-юродивых, в

¹ Юродство получило необычайное развитие на Руси, привлекая внимание классиков от А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого до Вен. Ерофеева, С. Соколова, Л. Улицкой, благодаря произведениям которых обретало дополнительный мощный импульс к распространению. Примечательно, что нередко работа над литературным произведением требовала от писателей и поэтов обращения к агиографии. Показателен в данном отношении ответ П. А. Вяземского на просьбу А. С. Пушкина, работавшего над драмой «Борис Годунов», прислать ему житие юродивого: «Карамзин говорит, что ты в колпаке немного найдешь пищи, то есть, вшей. Все юродивые похожи!» [5, т. 13, с. 224].

том числе новоканонизированных, большинство адептов данного чина святости – мужчины.

Возраст. Агиографическая традиция обычно охотно раскрывает обстоятельства и причины, связанные с началом подвига, но при этом избегает указаний на возраст юродивого. Для передачи возрастных характеристик книжник использует, как правило, существительные типа «дѣвица», «отрокъ», «юноша», «женщина», «мужъ» (= мужчина), «старецъ». Примечательно, что из этого ряда исключено только детство. В агиографической традиции нет ни одного юродивого ребёнка, несмотря на то, что тип детской святости занял прочную позицию в ряду «равноапостольных», «мирян», «мучеников», «страстотерпцев» и пр. церковных чинов святости.

Социальное положение. В числе подвижников – люди, занимавшие разное положение в обществе: от раба до представителей верхушки социальной лестницы.

Полагаем, что такая неопределённость перечисленных признаков культурно значима и обусловлена религиозным миропониманием, в контексте которого данный подвиг мыслится открытым для всех, вне зависимости от происхождения, достатка, положения в обществе, а также возраста (за исключением, как указывалось, детского).

Внешний вид. То, как выглядит подвижник, служит своего рода маркером его «иномирности», воспринимаемой окружающими нередко как странность или показатель безумия. Юродивый внешне выглядит не так, как другие. К примеру, монахини, *«согласно правиламъ монастырской жизни, носили на головахъ своихъ куколь; Исидора же покрывала голову свою простой тряпкой»* [4, т. 9, с. 301]. Данная особенность нередко в рамках жития обретает модусный характер, т. е. представляет оценочное отношение. Так, в житии упомянутой юродивой Исидоры говорится о негативном отношении монахинь к святой: *«никогда не вела она ни съ кѣмъ ни длинной, ни короткой бѣды и вообще ни с кѣмъ не разговаривала, несмотря на то, что другія сестры ее часто били и злословили»* [4, т. 9, с. 301]. Внешность, а также странное поведение приведут их к заключению, что Исидора *«глупа и бѣсновата»* [4, т. 9, с. 302], о чём впоследствии, узнав о её святости, они будут горько сожалеть.

Одна из эпизодических героинь жития Ксении Петербургской, отчаявшаяся излечить тяжело больного мужа, так описывает видение, после которого он вернулся к жизни: *«Шум хлопнувшей калитки прервал мои думы. Кто-то вошёл в сад к нам, подумала я. В это время в проёме открытой двери бесшумно появилась странная гостья. Лета её нельзя была определить, но самым странным был её наряд. Тёплые, мягкие валенки, длинная шуба особого покроя, вся в сборках, а на голове большой белый пуховый платок: концы его были закручены на шее. Так, верно, глухой зимой в старину повязывали платки женщины-простолюдинки. Вся она была необыкновенно привлекательна»* [4, т. 5, с. 954]. Героиня два раза отмечает странность *«зимней гостьи»*. Хотя, как

кажется, ничего неординарного во внешнем облике нет, она далее пояснит одно важное обстоятельство – несоответствие одежды сезону: «Тут только я поняла всю несообразность её зимнего наряда при этой нестерпимой жаре» [4, т. 5, с. 954]. Примечательно, что, описывая одежду и обувь, книжник обязательно укажет на признак неполноты, частичности: «рубище, едва прикрывавшее телесную его наготу», «почти необутая, едва одетая».

Рисуя образ юродивого, составитель жития стремится, исходя из парадигмы ценностей православия, подчеркнуть различными средствами его борьбу со страстями человеческими, намеренно принижая аспект плотского, физического, чтобы возвысить духовное. Так, например, в житии юродивого Максима говорится, что «онъ почти обнаженный ходилъ по улицамъ города Москвы, перенося и холодъ, и жарь» [4, т. 3, с. 279]. И юродивый, истязаящий плоть, может совсем отказаться от обуви, вне зависимости от времени года, но и её наличие не обеспечивает защиту от невзгод погоды (Ксения «на босых ногах, распухших от мороза, носила рваные бабшмаки» [4, т. 5, с. 949]).

Тело своё подвижник может вообще не скрывать под одеждой, что в некоторых случаях обусловлено и провокативным характером юродства. Например, Василий Блаженный «ходилъ нагимъ и лѣтомъ и зимою, зимою замерзая от холода, а лѣтомъ страдая от зноя». Подвижник может носить нечто странное, нечеловеческое, к примеру, козлиную шкуру или рубище. Другой юродивый «снялъ ... съ себя одежду и, представляясь лишеннымъ разума, изрѣзала ея на части» [4, т. 2, с. 55].

Традиция истязания плоти в некоторых случаях оборачивалась и ношением вериг, мотивированным или личной волей подвижника, или решением окружающих. Так, в случае Андрея юродивого его господин, «подумав, что Андрей одержимъ бѣсомъ, ... наложилъ на него желѣзные вериги и приказал вести къ церкви святой Анастасіи» [4, т. 2, с. 56].

Портрет. Мы не обнаружили в житиях примеров описания индивидуализированного портрета святого. Изредка книжник ограничивается наиболее общими формулами. Так, в житии Андрея Христа ради юродивого указывается, что «сей отрокъ былъ прекрасенъ собою» [4, т. 2, с. 52]. Как правило, описание внешнего подчиняется необходимости изображения внутреннего. Например, лицо блаженного Никиты «казалось діакону какъ бы лицомъ Ангела, прославленнымъ молитвой» [4, т. 2, с. 200].

Чаще всего портретная характеристика сводится к описанию одежды и обуви святого (или их значимого отсутствия).

Образ жизни и привычки. Одной из характерных особенностей юродства является сознательный отказ подвижника «от всѣхъ удобствъ», стремление вести «нестяжательную жизнь», обусловленную отказом от всего мирского, воспринимаемого в контексте религиозной системы ценностей как греховное, «противное Богу». Юродивые близки бессребреникам. Любые деньги, которые

попадают к юродивым (как правило, в виде милостыни), те сразу раздают нищим так, чтобы никто этого не заметил.

Принимая этот подвиг, юродивые обязательно по своей воле лишаются всего имущества. Данное обстоятельство обуславливает бездомность и «подвижническое странствие» юродивых.

Место, где отдыхает юродивый, как правило, – тайна, которая если и будет раскрыта в житии, то только для того, чтобы дополнить ряд черт «внутреннего облика» святого, указать на его бесстрашие, полное отсутствие гордыни, стремление к самоуничтожению и пр. В случае Андрея юродивого так описано временное пристанище: *«Когда же ему необходимо было уснуть и нѣсколько успокоить свое измученное тѣло, онъ искалъ мусора, гдѣ лежатъ собаки, и располагался между ними. Но и псы не подпускали къ себѣ»* [4, т. 2, с. 52]. Это и «посмеяние миру», некая «пощёчина общественному вкусу», и одновременно показатель крайней степени самоуничтожения, мученичества святого. *«Так страдалъ добровольный мученикъ и такъ смѣялся надъ всѣмъ міромъ юродивый»* [4, т. 2, с. 59], – поясняет книжник.

Умерщвление плоти мотивирует и ограничения в еде. Так, например, никто не видел, чтобы Исидора *«когда-либо ѣла кусокъ хлѣба или сидѣла за столомъ и вкушала вареную пищу, потому что она собирала крошки, падавшія со стола, и питалась ими; вмѣсто вареной пищи Исидора вкушала ту самую воду, въ которой мыла горшки и котлы»* [4, т. 9, с. 301].

Адепты изучаемого нами чина святости подчёркнуто одиноки. *«Оставивъ затѣмъ отчій домъ и родныхъ своихъ, – поясняет книжник, – блаженный Василий въ надеждѣ на будущія блага перемѣнилъ тлѣнное достояніе на духовное, такъ какъ вмѣсто отца у него было отсѣченіе бремени грѣховъ, вмѣсто матери – чистота, вмѣсто братьевъ – желаніе стремиться къ горнему Иерусалиму, а вмѣсто дѣтей – сердечныя воздыханія»* [4, т. 12, с. 39].

Отказ от родственных и семейных уз, бездетность – акт личной воли юродивых, причём акт в известной степени символический: обрубая все горизонтальные узлы, подвижники стремятся установить непосредственную вертикальную связь – с Богом.

Юродивые трудолюбивы и не пугаются самой тяжёлой и грязной работы, которой отдаются полностью. День их наполнен различными деяниями и подвигами, а молитвенное обращение к Богу происходит под покровом ночи, как правило, тайно и не обязательно в храме, а где придётся: Андрей *«въ теченіе дня представлялся лишеннымъ разума, а ночью молился Богу»* [4, т. 2, с. 56]; *«ночью въ молитвѣ, а днемъ въ подвигахъ юродства»* [4, т. 2, с. 56]. Такое типичное для юродивых поведение объясняется тем, что божье пространство для них не ограничивается стенами храма.

Аскетический образ жизни, мученичество, неуклонное следование заповедям Бога и постоянное нахождение в рамках религиозной системы ценностей, которые собственным примером утверждает святой, превращает путь

юродивого в «чистую жизнь». Данное определение нередко связывается с образом подвижника и используется, как правило, в значении «безгрешный» и «истинный», указывая на возможность (и очевидную трудность) воплощения заповедей Бога в повседневном бытовании.

Агиография, в деталях раскрывая все лишения в жизни подвижников, подчёркивает нечеловеческую трудность подобного образа жизни, который иначе как подвигом и не называет: *«безропотно несла свой спасительный подвиг»* [4, т. 5, с. 948], *«провела достаточное число летъ въ такихъ подвигахъ»* [4, т. 9, с. 301], *«так страдалъ добровольный мученикъ»* [4, т. 2, с. 59] и пр.

Житийная традиция акцентирует внимание на влиянии, которое оказывают юродивые на людей. Сошлёмся на пример Максима, который *«своими изреченіями многихъ удерживалъ отъ зла или ободрялъ въ трудахъ»*; *«училъ людей терпѣнію»*; *«проводя самъ нестяжательную жизнь, онъ желалъ, чтобы и другіе не забывали изъ-за временныхъ богатствъ о своей душѣ, удерживалъ московскихъ торговцевъ отъ несправедливыхъ сдѣлокъ: «Божницы домашняя, а совѣсть продажна»»* [4, т. 3, с. 279].

Образ жизни, поступки и социальное служение юродивых трактуются как угодные Богу, поэтому в контексте позитивной оценки агиографы их именуют «угодниками Божьими» (порой добавляя «тайные»).

Сверхчеловеческие способности. Достигнув определённого уровня духовного совершенства и бесстрастия, юродивые наделяются различными дарами. Знания, недоступные окружающим, о событиях, которые обязательно произойдут в будущем, делают юродивых провидцами и пророками. Блаженный Фома, предвидя смерть ударившего его строителя церкви, которому наскучили просьбы о милостыне, и свою собственную кончину, *«пророчески произнесъ: – Съ этого времени ни мнѣ от Анастасія уже ничего не придется принять, ни Анастасій не будет имѣть возможности что-либо подать мнѣ»* [4, т. 8, с. 354]. Сказанное вскоре исполнилось – через день умер обидчик, а блаженный заболел по дороге из города в монастырь и *«преставился къ безсмертной жизни»* [4, т. 8, с. 396]. Примечательно, что пророчества юродивых выражаются не только вербально. Их жесты, действия, поступки бывают исполнены некоего смысла. *«Замечали, что если Ксения просила у кого что-либо, то это было знаком грядущей невзгоды или беды для того, у кого спрошено; если же Ксения подавала кому-либо что-то, то получателя в скором времени посещала внезапная радость»* [4, т. 5, с. 950], – отмечает агиограф.

Кроме того, юродивые обладают даром исцелять «болящих», возвращать к жизни. Например, в одном из эпизодов жития Ксении Петербургской сообщается: *«Некто А. А. Романов был смертельно болен; и вот супруге его, сидевшей ночью у постели больного, явилась в видении старая женщина, назвавшаяся Ксенией, которая сказала, что муж ее выздоровеет и что будущий их ребенок будет девочкой, а назвать ее следует Ксенией. Вот так впоследствии и произошло»* [4, т. 5, с. 953].

Юродивые могут одарить человека чудесным образом тем, в чём он испытывает потребность: купцам могут обеспечить успешную торговлю, незамужним девицам устроить счастливый брак, бездетным родителям «подарить» долгожданного ребёнка и т. п. Поэтому в агиографии подвижники получают такие определения, как «молитвенные заступники», «устроители семейного благополучия», «скорые в бедах помощники», «помощники христиан в бедах и болезнях» и т. п.

Странность их поведения объясняется порой тем, что блаженные видят и слышат то, что недоступно глазу и уху обычного человека. Эту свою способность в определённых обстоятельствах и для достижения неких целей, как правило, дидактического характера, могут на время передать другому. Такой эпизод встречаем в житии Андрея: *«Именем Иисуса Христа свидѣтельствую, что ты тотчас увидишь діавола. Послѣ сего онъ прибавилъ: – Видишь ли ты его? И открылись у инока духовныя очи, и увидѣлъ онъ діавола чернаго, как ефіона, зѣврообразнаго»* [4, т. 2, с. 67].

Снизошедшая на подвижников благодать может выражаться и в иных чудесных возможностях.

Речь. Заставить юродивого говорить могут лишь определённые обстоятельства. Как правило, они находятся либо в молитвенном общении, либо сообщают нечто, что часто не согласуется с обстоятельствами времени, места, ситуации, следовательно, создаёт основу для их восприятия как безумных. Нередко сказанное ими мотивировано «дидактическими» целями.

Юродивые обычно немногословны, речи их туманны, непонятны окружающим, а возможность постичь истинный смысл сказанного и, соответственно, убедиться в пророческом даре подвижников, люди получают не сразу, а лишь спустя время.

Предсказание либо выражается прямо, либо кодируется. В первом случае святой говорит открыто о том, что случится, во втором – использует иносказание. Например, покидая гостеприимный дом купчихи Крапивиной, Ксения рассказала молодой женщине о необходимости должного христианского приготовления к смерти. И как бы между прочим во всеуслышание сказала: *«Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет»* [4, т. 5, с. 950]. Книжник подчеркнёт, что *«все слышавшие это гости Крапивиной не придали словам Ксении должного внимания, однако позднее, после внезапной скоропостижной смерти молодой купчихи, вспомнили эти слова и весьма были поражены и потрясены»* [4, т. 5, с. 950].

Речь юродивых характеризуется использованием пословиц и поговорок, что свидетельствует об их близости к народной культуре. Ими изобилует, к примеру, речь Максима, Московского чудотворца: *«Всякъ крестится, да не всякъ молится», «По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ», «Богъ великъ, неправду същеть. Ни Онъ тебя, ни ты Его не обманешь»* [4, т. 3, с. 279]. Некоторые из юродивых, как, например, Исидора, в качестве формы «общения» изби-

рают молчание. В житии Василия блаженного объясняется, что подвижник *«не говорил и представлялся какъ бы лишеннымъ дара слова, желая этимъ скрыть отъ людей свои добродѣтели и быть вѣдомымъ только Богу»* [4, т. 12, с. 39].

Характеризуют юродивого не только избранный способ коммуникации, но и само содержание сказанного, которое нередко выдвигает на передний план такие черты подвижника, как отсутствие гордыни, смирение, подчинение личной воли воле Всевышнего.

Яркий пример самоуничижения обнаруживается в житии блаженного Никиты, так отреагировавшего на просьбу посетившего его дьякона, испытывавшего угрызения совести и стремившегося успокоить душу и избавиться от грехов гнева и вражды: *«Какъ я могу рѣшиться на дѣло, превышающее мои силы? Однако, надеясь на молитвы пославшего тебя, и насколько поможетъ мнѣ Богъ, приступлю къ тому, что мнѣ повелѣно»* [4, т. 2, с. 200].

Проанализированные аспекты типажа «юродивый» мотивируют и нередко мотивируются рядом характеристик, которые книжник прямо связывает с тем или иным подвижником. Агиограф подчёркивает добродетельность юродивых, их бесстрашие, неподверженность порокам и грехам: *«великого въ добродѣтеляхъ»*, *«Божий человекъ»* [4, т. 2, с. 199, 202]. Они тихи, кротки, беззлобны, чужды гордыни, смиренны, терпеливы и безропотны: *«вела она неустанную борьбу с врагом рода человеческого – дѣяволом и с гордостью житейскою»* [4, т. 5, с. 952], *«безропотно сносила всякого рода глумления над собою»* [4, т. 5, с. 947]; *«все обиды и печали сносила безропотно»* [4, т. 5, с. 949] *«своимъ терпѣніемъ святыи училъ людей терпѣнію»* [4, т. 3, с. 279].

Во всём уповая на Бога, юродивые также обнаруживают христоцентричность: *«Перед блаженной всегда был образ великого безвинного Страдальца – Христа, безропотно сносившего и поругания, и оплевания, и заушения, и распятие, и смерть»* [4, т. 5, с. 948].

Противоположность мирской и религиозной аксиологических систем заставляет агиографа обращать внимание на то, что странность юродивого в контексте восприятия окружающих может получать отрицательную оценку как безумия или даже одержимости бесами: *«потерявшая рассудок»* [4, т. 5, с. 947], *«безумство молодой вдовы»* [4, т. 5, с. 948], *«помрачившейся умом»* [4, т. 5, с. 949], *«ты точно одержимъ бѣснованіемъ и по демонскому наущенію говоришь»* [4, т. 2, с. 60].

С одной стороны, жизнь юродивых полна всяческих лишений, а с другой стороны, она призвана дать пример действенного подвига любви к ближнему, который нередко выражается в стремлении указать на пороки, помочь замолить грехи, исправить то, что не соответствует ценностным ориентирам православия: *«своим даром многим она помогала в деле жизненного устройства и душевного спасения»* [4, т. 5, с. 950].

Служение Богу скрывается: «тайный угодник», «тайно служа Богу», «решила тайно по ночам помогать строителям». Да и акт молитвенного общения «угодников Божиих» с Господом не должен быть замечен окружающим, хотя это обязательное условие бытования святого: «всегда пребывала в живом, непосредственном общении с Богом» [4, т. 5, с. 952].

Предпринятый нами анализ позволил выявить ряд наиболее репрезентативных характеристик лингвокультурного типажа *юродивый*.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Воркачѳ С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачѳ // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79–95.
3. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века : монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.
4. Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского : в 12 т. – Барнаул : Изд-во преподобного Максима Исповедника, 2003–2004.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.
6. Чеборатѳ И. Г. Фасциативный типаж «юродивый» в русской лингвокультуре : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / И. Г. Чеборатѳ ; ВГСПУ. – Волгоград, 2015. – 227 с.

Статтю отримано 12.09.2015 р.

Долгов В. Г.

ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ «ТИПАЖ ЮРОДИВИЙ» У ПЕРЦЕПТИВНО-ОБРАЗНОМУ АСПЕКТІ

Мета статті – описати в перцептивно-образному аспекті лінгвокультурний «типаж юродивий». *Об'єкт* аналізу – лінгвокультурний «типаж юродивий». *Предмет* дослідження – перцептивно-образні характеристики цього лінгвокультурного типуажу. У роботі використано такі методи дослідження: загальнонаукові (гіпотетико-дедуктивний і описовий) і лінгвістичні (суцільної вибірки, порівняльно-зіставний та інтерпретативний аналіз). *Результатом* дослідження є виявлення особливості стереотипного сприйняття «типаж юродивий» (стать, вік, соціальний стан, зовнішній вигляд, портрет, образ життя, звички, надлюдські здібності). *Практичне застосування* результатів дослідження можливо в процесі розробки загальних і спеціальних курсів з лексикології, лінгвокультурології, стилістики, окремих лекцій, присвячених специфіці мовної об'єктивізації концепту юродивий і особливостям його реалізації в ідіостилі російських письменників XIX–XX ст.

Ключові слова: лінгвокультурний «типаж юродивий», перцептивно-образний аспект, стереотипне уявлення, агіографія, «Четві Мінеї».

Dolgov V. G.

PERCEPTIVE AND FIGURATIVE REPRESENTATION OF LINGUAL AND CULTURAL DESCRIPTION OF FOOLISHNESS

*The article **aims** at describing the lingual-cultural type Fool for Christ (Yurodivyi) in the perceptually-figurative aspect. The **object** of the analysis: the lingua-cultural type Fool for Christ (Yurodivyi). The **Subject** of the research: the perceptually-figurative characteristics of the lingual-cultural type Fool for Christ (Yurodivyi). The following research **methods** have been used: general scientific (hypothetical-deductive and descriptive) and linguistic (continuous sampling, the comparative-contrastive and interpretative analysis). **Results**: the study has identified the peculiarities of the stereotyped perception of the type Fool for Christ (Yurodivyi) (gender, age, social status, appearance, portrait, lifestyle, habits, superhuman abilities). The **practical application** of the results is possible in the process of developing general and special courses on lexicology, linguoculturology, stylistics and individual lectures on the specifics of the language objectification of the Fool for Christ concept, as well as the features of its implementation in the idiostyle of the Russian writers of XIX–XX centuries.*

Key words: lingual and cultural type Fool for Christ (Yurodivyi), perceptual-figurative aspect, stereotyped perception, hagiography, “Lives of the Saints.”